

Эволюция пенитенциарных форм трудообеспечения советского Дальнего Востока в конце 1950-х — первой половине 1980-х гг.

Елена Николаевна Чернолуцкая,

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.

E-mail: chvalery@mail.ru

Задача данной статьи — на примере Дальнего Востока рассмотреть, какую роль в экономике СССР и обеспечении страны рабочими руками играла система исполнения наказания после демонтажа сталинского ГУЛАГа. Анализируются три формы пенитенциарной трудовой занятости, существовавшие в государстве в позднесоветский период: 1) труд в исправительно-трудовых колониях (ИТК); 2) обязательные работы без содержания под стражей (при условно-досрочном освобождении и условном наказании, т.н. химия); 3) работа в колониях-поселениях. Основную роль играли первые две, третья не получила развития. По сравнению со временами ГУЛАГа, существенно уменьшились размеры и снизилась до местного уровня значимость исправительно-трудовых учреждений (ИТУ). Принцип обязательности труда осуждённых оставался законодательно закреплённым, но его формы в условиях общей либерализации политического режима смягчились. Производственная сфера ИТУ постепенно была интегрирована в плановую экономику краёв и областей. В основном интеграция носила точечный характер в виде развития собственных производств ИТК и передачи осуждённых по контрагентским договорам в гражданские сектора, главным образом в строительство. В целом, как показывают материалы Приморского края, значение пенитенциарной рабочей силы в экономике региона было невелико, ориентировочно её доля составляла около 4% в общей структуре занятого населения, но в строительстве этот показатель достигал 20%. На этапе позднесоветской модернизации мобилизационно-принудительные методы управления трудовыми ресурсами в стране трансформировались с учётом демографических, общественно-политических и ментальных реалий времени. В частности, устойчиво снижались масштабы организованных форм трудоустройства (как свободного, так и пенитенциарного). И тенденции развития системы ИТУ были одним из проявлений этого процесса.

Ключевые слова: пенитенциарная система, принудительный труд, трудовые ресурсы, обеспечение рабочей силой, Дальний Восток СССР, позднесоветский период.

Evolution of penal forms of provision of Soviet Far East with a manpower at the end of the 1950s – in the first half of the 1980s.

Elena Chernolutskaia, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: chvalery@mail.ru.

The object of this article is to study the example of the Far East and what role the system of execution of punishment played in the economy of the USSR and in the support of labour after dismantlement of the Soviet Gulag. Three forms of penal employment in the late Soviet period are analysed: 1) labour in forced-labour camps; 2) obligatory labour without detention in custody (conditional discharge and suspended sentence); 3) labour service in penal colony settlements. First two forms played a major role, the third one didn't evolve. In comparison to the Gulag times the number of forced-labour camps decreased, and their significance dropped: from now on, they functioned on local level. A principle of labour obligation of convicted people stayed fixed by law, but its forms in conditions of general liberalization of the political system were softened. Working environment of forced-labour camps was slowly integrated in planned economy of territories and regions. Generally, integration was occasional in the form of home manufacture of forced-labour camps and transfer of sentenced people under contracting agreements in civil sectors, mainly into construction. On the whole, as the materials of the Primorsky Region show, the significance of penal work force in economy of the region wasn't great; it was approximately only 4% in the employed population at large, but in construction it reached 20%. At the stage of post-Soviet modernization the mobilization and coercive methods of labour management in the country changed taking into consideration demographic, social and political, and mental facts of time. In particular, the scale of organized forms of job placement (free as well as potential). The trends of the development of labour-forced camps were a part of manifestation of this process.

Keywords: penal system, forced labour, labour resources, supply of labour, Far East of USSR, post-Soviet period.

Тема использования принудительного труда в советской экономике активно разрабатывается исторической наукой со времён «архивной революции» 1990-х гг. До сих пор она прочно «привязывалась» к периоду сталинизма ввиду высокой доли гулаговского сектора в производстве страны того времени и ужасающего попрания прав человека. Констатируя, что с падением сталинского режима произошла и либерализация пенитенциарной системы, историки «успокоились». Изучением её дальнейшей трансформации занимались в основном специалисты юридической науки, актуализировавшие проблемы развития норм уголовного наказания и структурных реорганизаций в системе его исполнения [4; 11; 13; 17; 18].

Однако необходимость более глубокого понимания эволюции советских мобилизационно-принудительных методов управления требует анализа экономической функции пенитенциарных учреждений не только при

Сталине, но и при его преемниках. Эта задача может быть полноценно решена на конкретно-историческом материале российских регионов. В данном контексте показательной площадкой исследования является Дальний Восток, который в 1930-е гг. пережил пиковый период гулаговского производства, став самым «лагерным» регионом, где было сосредоточено 39% всех заключённых ИТЛ СССР. В демографической структуре Дальнего Востока на пенитенциарные категории в среднем приходилось более 20%, а на заключённых и спецпоселенцев, занятых в производстве, — около 35—40% всех рабочих и служащих. При этом на Северо-Востоке (территория Дальстроя) эти показатели достигали соответственно 60% и 90% [24]. Основным фактором такой специфики развития региона был острый трудовые дефицит в условиях форсированной индустриализации, проводимой методами диктаторского режима.

Цель предлагаемой статьи — на примере Дальнего Востока определить, какую роль в экономике страны и обеспечении её рабочими руками стала играть система исполнения наказания после демонтажа ГУЛАГа. Предварительно необходимо отметить, что всестороннее раскрытие обозначенной темы затруднено ограниченностью источниковой базы: архивные документы пенитенциарного ведомства по позднесоветскому периоду, в отличие от «гулаговского», большей частью труднодоступны для исследователей. Поэтому нам приходилось опираться в основном на редкие документально-очерковые и мемуарные публикации [5; 16]¹, а также некоторые интернет-ресурсы российской системы исполнения наказаний. Полезными оказались и те немногие отрывочные сведения о привлечении осуждённых на хозяйственные объекты рассматриваемого периода, которые были введены в научный оборот отечественными историками в работах последних лет [2; 3; 6; 14].

ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫЕ КОЛОНИИ

С середины 1950-х гг. пенитенциарная система в СССР претерпела кардинальное реформирование. Вместо крупных исправительно-трудовых лагерей ГУЛАГа основным типом её учреждений стали те, которые раньше играли второстепенную роль, — относительно небольшие исправительно-трудовые колонии (ИТК), входившие в подчинение отделов исправительно-трудовых учреждений (ИТУ) УВД краевых или областных исполкомов. «Положение об исправительно-трудовых колониях и тюрьмах МВД РСФСР», утверждённое Указом ПВС РСФСР от 9 сентября 1961 г., предусматривало, что осуждённые к лишению свободы должны были отбывать наказание, как правило, в пределах автономной республики, края, области по месту своего жительства до ареста или по месту осуждения [15]. Это было существенным отличием от лагерей ГУЛАГа, т.к. не давало возможности пополнять пенитенциарные трудовые ресурсы одних регионов за счёт перевозки

¹ Наиболее информационно-насыщенным является документально-исторический очерк подполковника в отставке, бывшего сотрудника УИС Приморья Н.В. Сидорова, где приведены сведения о работе УФСИН края.

людей из других. А именно такая миграция являлась основным источником беспрецедентного роста принудительной рабочей силы на Дальнем Востоке в 1930-е гг.

Несмотря на существенное уменьшение размеров и понижение значимости ИТУ до местного уровня, производство по-прежнему оставалось одной из важных сфер их деятельности. Послесталинская власть не изменила принципа обязательности труда осуждённых (постановления СМ СССР 1958 и 1961 гг.; ст. 27 Основ исправительно-трудового законодательства СССР и союзных республик 1969 г. [1]), который соответствовал международным нормам при условии, что люди работают в меру их физических и психологических способностей и что это не приносит им страданий [12]. Принудительный труд сохранялся как компонент позднесоветской экономики, но наиболее бесчеловечные его формы остались в прошлом.

Вместе с тем после реформирования ГУЛАГа проблемы труда в ИТУ стали рассматриваться не как общегосударственные, а как ведомственные или местные. Предприятия ИТК не находились в приоритете общей распределительной системы снабжения и испытывали постоянные материально-финансовые трудности. К тому же более половины их ежегодной прибыли изымалось в государственный бюджет. В результате создать условия для полной занятости осуждённых не удавалось [1].

Особенно острая ситуация складывалась в первые годы послесталинских реформ. В Магаданской области после ликвидации Дальстроя и его пенитенциарного детища — Севвостлага — руководители горнодобывающих предприятий вели активную политику замещения работников-заключённых вольнонаёмными. Поэтому органам внутренних дел и обкому партии приходилось чуть ли не «навязывать» заключённых совнархозу. В частности, удавалось сохранить для них рабочие места на золотых приисках им. Горького, им. 40 лет Октября, «Штурмовом», «Широком», а также на двух оловянных рудниках. В 1959 г. из 11 535 заключённых на золотодобыче было занято 2000, на оловодобыче — 920, на заводах по ремонту землеройной техники — 1150 чел. [7, с. 156], т.е. всего 4070 чел., что составляло 22% от областной численности производственного персонала данных отраслей [6, с. 183, 204].

В Сахалинской области к началу 1960 г. имелось шесть колоний с собственным производством и три контрагентских. Вывод заключённых на оплачиваемые работы в декабре 1959 г. составлял 73%. Ежедневно из-за отсутствия работы простаивало 273 чел., а из-за отсутствия охраны — 40 чел. [ГИАСО. Ф. 290. Оп. 6. Д. 1. Л. 54, 58].

Исправительно-трудовые колонии, наполняемость которых в 1960-е гг. быстро росла, были поставлены перед необходимостью развивать собственную производственную базу. Широко использовалась и передача осуждённых в гражданский сектор экономики по контрагентским договорам (особенно часто — в строительство). Показателен пример Приморского края, где с конца 1950-х гг. действовало десять ИТК, семь из которых на 1958 г. являлись контрагентскими, а две — сельскохозяйственными. В дальнейшем с ростом численности заключённых (если в 1958 г. их было 6,9 тыс.,

то в 1966 г. — уже 19 тыс.) развивалась или менялась производственная специализация данных учреждений. В 1975 г. в десяти ИТК и двух ЛТП края содержалось 12,7 тыс. чел., из которых было трудоустроено 10,4 тыс., в т.ч. на собственном производстве ИТУ — 5,9 тыс., на контрагентских работах — 4,5 тыс. [16, с. 52, 138; 10].

Многие ИТК создавались с целевым назначением для строительства предприятий, дорог и др. объектов. Так, заключённые ИТК-23 в г. Уссурийске (организована в 1958 г.) ежедневно трудились на 14—16 объектах города. Несмотря на то, что в 1961 г. в колонии поменяли режим с общего на строгий (а это ужесточало правила охраны), в интересах городской стройиндустрии она продолжала оставаться контрагентской. Силами данной ИТК были возведены кожевенно-обувной комбинат, заводы (комбикормовый, дрожжевой, по выпуску деревообрабатывающих станков), цех стиральных машин и бытовых холодильников, жилые и учебные здания, а также животноводческие комплексы в ближайших сёлах. В 1985 г. в Уссурийске специально для строительства картонного комбината открыли ещё одну колонию строгого режима (№ 41) [16, с. 92, 93, 200].

В рассматриваемый период продолжала действовать практика, когда руководители стройтрестов обращались в крайком партии с ходатайствами об открытии колоний в тех или иных населённых пунктах для обеспечения строек дополнительной рабочей силой. Таким путём в 1963 г. создали ИТК-29 в пос. Большой Камень, куда завезли 650 заключённых. Они участвовали в возведении дворцов культуры и спорта, больницы, школ, заводов «Звезда» и «ЭРА». В 1965 г. в Приморском крае руками осуждённых было построено более 70 объектов, в т.ч. Ярославский ГОК и завод крупнопанельного домостроения в пос. Заводском. В пос. Славянка, где в 1966 г. началось возведение крупного судоремонтного завода и ожидался быстрый рост численности жителей, сразу же создали ИТК-30 (1966—1988 гг.). Более тысячи подопечных этого ИТУ использовалось на строительстве заводских цехов, пирса, жилья, школ, больницы. Такую же роль сыграли ИТК-31 усиленного режима (1967—1978 гг.) в пос. Чугуевка (строительство канифольно-экстракционного завода), ИТК-32 строгого режима (1967—1975 гг.) в пос. Восток-2 на севере Приморья (вольфрамовый горно-обогащительный комбинат) и др. [16, с. 83—85, 97, 104—105, 137, 146, 187, 218; 5, с. 53; 9]

Ряд ИТУ использовали собственную производственную базу, сохраняя традиционный профиль. Среди них — одна из старейших в Приморском крае ИТК-25 (пос. Зелёный Лазовского района), которая в течение длительного периода занималась лесозаготовками. В 1985 г. в ней содержалось 1100 чел. Некоторые колонии производили продукцию для внутреннего потребления в своей системе — шили одежду для осуждённых, постельные принадлежности, палатки (ИТК-23, 10), изготавливали металлические кровати (ИТК-26), занимались сельским хозяйством (ИТК-3, 10, 20, 27, ЛТП-2), а также строили объекты в своих зонах.

Вместе с тем с 1960-х гг. активно развивались новые производства и модернизировались старые. Так, заключённые ИТК-20 в пос. Заводском

с завершением строительства завода крупнопанельного домостроения в основном стали работать на этом предприятии, выпуская железобетонные изделия, востребованные в крае в связи с реализацией новой программы жилищного строительства. Колония освоила также производство вагончиков строителей, для чего была запущена специальная технологическая линия. В ИТК-26 (ст. Приморская, Хасанский район), созданной в 1961 г., с помощью завода «Изумруд» организовали цех по алюминиевому и магниевому литью с последующей механической обработкой заготовок, освоили выпуск люлечных контейнеров для кирпичных заводов и т.д.

С 1965 г. в уголовно-исполнительной системе СССР, как и в других сферах, проходила экономическая реформа, которая способствовала росту производственных мощностей ИТК. Поощрялось установление кооперативных связей ИТУ с предприятиями края. Со второй половины 1970-х гг. этот процесс стал носить преимущественно плановый характер. План согласовывался с руководителями заводов и утверждался на заседании крайкома партии и крайисполкома. Практически за всеми ИТУ и ЛТП были закреплены определённые заводы и ведомства.

В результате такой политики колониям удавалось получить заказы от гражданских и военных предприятий: ИТК-30 изготавливала самоходные баржи (по договорённости со Славянским судоремзаводом), ИТК-31 — детали запорной арматуры высокого давления для подводных лодок и военных кораблей (с Арсеньевским заводом «Аскольд»), ИТК-23 получила работу на предприятиях г. Уссурийска — в цехе холодильников машиностроительного завода, локомотивно-ремонтном депо, — выполняла госзаказы в кооперации со швейной фабрикой «Молодёжная» г. Партизанска.

ИТК-22 строгого режима (организована в 1959 г., пос. Волчанец близ Находки), кроме основного кирпичного производства, изготавливала плашкоуты в кооперации с Дальзаводом. В 1970-е гг. за колонией были закреплены трест «Дальморгидрострой» и база активного морского рыболовства, куда учреждение поставляло кирпич и сети. Рядом находилась ИТК-27, где на основе бывших танковых мастерских наладили производство металлических изделий. По договору с заводом «Дальприбор» и владивостокским судоремзаводом там продуктивно работал единственный в стране цех по изготовлению корпусов пограничных катеров. Во вновь построенном литейном цехе выпускали продукцию для заводов «Изумруд», благовещенского «Спецэлеватормаш» и детали для комбайнов по кооперации с ростовским заводом «Ростсельмаш». Для ИТК-29 с завершением строительных работ в пос. Большой Камень основными заказчиками стали Дальзавод и завод «Звезда». Производству этой ИТК приказом МВД СССР был присвоен официальный статус предприятия машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности.

Большинство колоний в 1960—1980-е гг. динамично приспособлялись к условиям экономики «развитого социализма». Но были и примеры деградации пенитенциарного производства. Так, в 1970-е гг. процветала ИТК-3 (с. Дзержинец Октябрьского района). Она имела сад в 30 га, производила своё молоко, мясо и снабжала сельхозпродукцией почти все

другие колонии края. Кроме того, ИТК-3 выполняла заказы предприятий рыбной промышленности и Уссурийского механического завода (изготовление сетей, бочек, ящиков), что позволяло практически полностью занять осуждённых. Однако в начале 1980-х гг. со сменой начальника колонии сельскохозяйственная специализация была ликвидирована. Это повлекло за собой нехватку рабочих мест и ухудшило общую ситуацию: росло число нарушителей режима, побегов, заключённые стали страдать от дистрофии вплоть до появления смертности на почве истощения. В 1988 г. ИТК-3 была ликвидирована как бесперспективная [10; 16, с. 119—122, 138, 145, 146, 167—168, 171, 188, 191, 200—294, 216, 218].

В целом пример Приморского края показывает, что развитие собственного производства ИТУ во второй половине 1970-х — первой половине 1980-х гг. шло довольно высокими темпами. Если в 1975 г. на этой базе работали 5,9 тыс. осуждённых, то в 1985 г. — 13,1 тыс., выпуск продукции в стоимостном выражении за эти годы увеличился с 46 млн до 107 млн руб. Факторами такой динамики были не только производственный тренд развития пенитенциарной системы, но и резкое увеличение притока осуждённых в места лишения свободы в начале 1980-х гг. (в 1975 г. в ИТК Приморского края содержалось 10,8 тыс. чел., в 1985 г. — 22 тыс.) [16, с. 204]. Аналогичная ситуация складывалась и в Хабаровском крае, где в 1957 г. действовало 13 ИТК с суммарным лимитом наполнения на 8090 чел., а в 1982 г. — уже 17 ИТК и 2 ЛТП на 20 140 осуждённых².

УСЛОВНО-ДОСРОЧНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ, УСЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ

Наряду с работами «за колючей проволокой» в рассматриваемый период широкое применение получил и другой тип пенитенциарного труда. В конце 1950-х — 1960-е гг. советское законодательство расширило возможность применения условно-досрочного освобождения (УДО). Оно могло применяться к лицам, отбывая наказание в ИТК, показывали «примерное поведение» и «честное отношение к труду». Совершение нового умышленного преступления в период УДО влекло отмену последнего и возврат осуждённого в места лишения свободы. Под эту норму не попадали особо опасные преступники и рецидивисты.

УДО предусматривало обязательный труд осуждённого, что недвусмысленно определялось Указом ПВС СССР от 20 марта 1964 г. «Об условном освобождении вставших на путь исправления впервые осуждённых с направлением их на стройки народного хозяйства», последующими аналогичными указами и другими регламентирующими документами. В течение всего неотбытого срока лишения свободы лица, вышедшие по УДО, обязывались были работать на тех стройках и предприятиях, куда их направляли, а в случае производственной необходимости они могли быть

² Подсчитано по: [21, с. 150, 174].

переведены без своего согласия на другие объекты. Эти люди проживали в специальных общежитиях, а в порядке административного надзора прикреплялись к спецкомендатурам, в обязанности которых входили не только надзор за осуждёнными, но и проведение среди них политико-воспитательной работы. УДО представляло собой не освобождение в полном смысле, а скорее замену лишения свободы наказанием в виде исправительных работ [4, с. 31—36; 13, с. 60—64; 17, с. 48; 19; 20].

Такую же роль стал играть и другой вид смягчения уголовного наказания — условное осуждение. Если в конце 1950-х и в 1960-е гг., применяя его, государство сделало ставку на исправление виновного в условиях его места жительства и под воздействием его трудового коллектива или общественной организации, то в дальнейшем акцент был перенесён на привлечение таких лиц к обязательным работам (Указ ПВС СССР от 12 июня 1970 г. «Об условном осуждении к лишению свободы с обязательным привлечением осуждённого к труду»; в 1974 г. введено в ст. 24, ч. 10, 11 УК РСФСР). Правила надзора, работы и проживания условно осуждённых являлись такими же, как при УДО. Таким образом, норма условного осуждения стала регламентировать реально отбываемое наказание, и с 1974 по 1997 г. она рассматривалась законодателем как вид лишения свободы [11, с. 71; 18, с. 27—32]. В количественном отношении, как показывают исследования по Сибири, эта группа была на порядок меньше группы условно-освобождённых [3, с. 139].

По сути, как УДО, так и условное осуждение представляли собой вариацию аналогичного пенитенциарного института сталинского периода — исправительных работ без содержания под стражей [23]. Их расширенное применение в 1960—1980-е гг. в условиях либерализации пенитенциарного законодательства власть объясняла прежде всего целью создать стимул для правопослушного поведения преступников. Однако не менее важным, если не первоочерёдным, фактором стали возрастание в стране дефицита рабочих ресурсов и связанный с этим поиск новых форм трудовой мобилизации.

Поначалу условно освобождённых направляли на вредные производства, в основном в химическую промышленность, поэтому в народе их стали называть «химиками». Со временем их труд стал широко использоваться также в строительстве. Формирование этого контингента было поставлено на массовую плановую основу. ПВС СССР периодически издавал указы «О единовременном условном освобождении из мест лишения свободы некоторых категорий осуждённых для работы на стройках и предприятиях народного хозяйства» (1 марта 1974 г., 13 мая 1974 г. и др.). Указы не публиковались в открытой печати, но доводились до сведения исполнительных органов.

МВД СССР получал перечень строек и предприятий с указанием необходимого количества «рекрутов». Этот «план-заказ» распределялся по союзным, краевым и областным УВД, а оттуда — по местным ИТК. На основании таких нарядов администрации ИТК представляли в суд материалы на условное освобождение. О том, что главная роль этих акций была тру-

доснабженческой, свидетельствует и перечень категорий, на которых действие указов не распространялось. В это число входили лица с ограниченной трудоспособностью (инвалиды, люди пенсионного возраста и младше 17 лет, беременные женщины и женщины, имеющие малолетних детей) и с неотбытым остатком срока наказания менее шести месяцев. Показательно и то, что условному освобождению не подлежали заключённые, которые ко дню издания указа уже использовались на объектах ряда союзных промышленных и строительных министерств [8; 19; 20].

Распределение «химиков» осуществлялось как в рамках одного региона, так и между разными. Например, в 1964 г. 200 условно-освобождённых из Приморского края были переданы в управление строительства «Братскгэсстроя», а 94 чел. — в Белогорское стройуправление № 13 Амурской области [2, с. 122; 16, с. 86]. В том же году небольшую группу с Дальнего Востока отправили в Главкузбасстрой. В дальнейшем такая рабочая сила поступала во все сибирские и дальневосточные территориальные строительные главки. Например, в Главкузбасстрой и Главвостоксибстрой только за 1967—1970 гг. прибыло около 25 тыс. чел. [3, с. 139]. По Дальнему Востоку численные показатели были несколько меньше, но они соответствовали масштабам строительной отрасли региона. Так, на ударной комсомольской стройке Приморской ГРЭС в 1972 г. трудилось 150 условно освобождённых [14, с. 44], в Уссурийске в 1970-е гг. в подразделениях стройтреста № 34 — около 1200 таких лиц [16, с. 137].

В 1970—1980-е гг. на всех важнейших стройках Приморья дислоцировались около 50 спецкомендатур с числом условно освобождённых и условно осуждённых более 12 тыс. чел. Они возводили Ярославский горно-обогатительный комбинат, Новоспасский цементный завод, нефтехранилища стратегического запаса в пос. Анисимовка и Тихоречное, рисоводческий комплекс в с. Октябрьском, обогатительную фабрику и жильё в пос. Светлогорье Пожарского района, Приморскую ГРЭС, в с. Монастырище работали на кирпичном заводе, в пос. Липовцы — на керамическом и т.д. Во Владивостоке находилось восемь спецкомендатур, подопечные которых использовались на работах в СМУ УВД, строительстве морского порта, фанерного завода, Надеждинской птицефабрики, свиноводческого комплекса [16, с. 175, 195]. В организации Главдальстроя, которая возводила объекты по всему Дальнему Востоку, в начале 1980-х гг. ежегодно направлялось около 6000 условно-досрочно освобождённых и условно осуждённых [2, с. 122].

Данные категории работников использовались столь широко, что в 1977 г. решением ЦК КПСС и распоряжением СМ СССР в системе МВД СССР была образована самостоятельная структура по исполнению наказаний, не связанных с лишением свободы, — 5-е Главное управление, а в краях и областях — соответственно 5-е отделы УВД. Их основными задачами являлись заключение договоров с хозяйственными организациями на предоставление рабочей силы и создание спецкомендатур [13, с. 54, 56, 62].

Особенности содержания условно освобождённых и условно осуждённых, по сравнению с условиями заключённых, давали несомненные преимущества в трудовом использовании: не тратились средства на охрану,

распределение по объектам было более манёвренным. Вместе с тем данная группа отличалась качественной и количественной нестабильностью. Так, в 1967—1970 гг. в Главкузбасстрой (Западная Сибирь) прибыло 12,3 тыс. условно освобождённых, а выбыло 8000 чел. Основными причинами выбытия являлись окончание срока наказания (в 1970 г. — 45%), возвращение в места заключения (40%), привлечение к уголовной ответственности за новые преступления или нахождение в бегах (10%) [3, с. 166]. В Приморском крае от трети до половины «химиков» возвращались в места лишения свободы на неотбытый срок за систематическое нарушение трудовой дисциплины, правил общежития, совершение новых преступлений [16, с. 136, 137, 149]. Так, в 1973 г. в СУ-1 треста № 8 г. Владивостока прибыли 37 условно осуждённых и условно освобождённых, из них к концу года 16 чел. возвратили в места заключения [2, с. 122].

Во многом это объяснялось тем, что массовый перевод осуждённых на «химию» вступал в противоречие с карательными задачами пенитенциарной системы. Жёсткие планы УДО, спускавшиеся колониям, не могли быть выполнены без нарушения принципов данной нормы. В то же время, руководство ИТУ было заинтересовано в «разгрузке» колоний. В результате нередко на УДО необоснованно оформлялись лица, не проявившие «признаков исправления», а иногда и осуждённые за особо опасные преступления [16, с. 109, 136, 149, 165, 187]. В 1982 г. и позднее вносились изменения и дополнения в уголовное законодательство, существенно сузившие круг осуждённых, к которым могло применяться УДО [13, с. 59].

И всё же государство было заинтересовано в использовании «химии», т.к. этот институт, воплощая принудительный принцип трудовой занятости, позволял в короткие сроки обеспечивать рабочими руками многочисленные новостройки, особенно в суровых и отдалённых районах, куда добровольцев набрать было трудно. Так, на строительстве горно-обогачительных комбинатов и прилегающих посёлков на севере Приморского края основную рабочую силу составлял пенитенциарный контингент. Условия там были настолько тяжёлыми, что фиксировались случаи, когда заключённые ИТК отказывались от досрочного освобождения, если узнавали, что их пошлют на работы в данный район. Например, по этой причине в ИТК-30 в 1969 г. из 80 заключённых, занятых на стройке в пос. Славянка, 77 чел. не согласились на УДО. Такая ситуация вызвала острое недовольство руководства системы исполнения наказаний, поскольку срывала план [5, с. 169—173]. В тех же глухих и суровых местах недалеко от границы с Хабаровским краем в середине 1980-х гг. началось возведение вольфрам-полиметаллического ГОКа и пос. Светлогорье. Из-за «адских», как говорили, условий там, кроме управленческого аппарата, работали только «химики» (в 1985 г. — 800 чел.). На стройке царила неорганизованность, зарплата была крайне низкой, а потому люди бежали оттуда, хотя знали, что при задержании им добавят срок [16, с. 196].

Ещё одним «смягчённым» институтом исполнения наказания, который ввели в пенитенциарную систему в 1960-е гг. и где также использовался труд осуждённых, были *колонии-поселения* [17, с. 49], во многом напо-

минавшие колонизационные посёлки при исправительно-трудовых лагерях 1930-х гг. [22]. Однако в Приморском крае они не получили широкого развития. Было организовано лишь две колонии-поселения: в 1970 г. в пос. Восток-2 Красноармейского района (где колонисты наряду с заключёнными ИТК-32 и «химиками» строили ГОК и посёлок) и в 1979 г. в с. Галёнки Октябрьского района на базе реформированного сельскохозяйственного предприятия ИТК-3 [10; 16, с. 126, 137].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В позднесоветский период, идя по пути либерализации исправительно-трудовой политики, государство отнюдь не отказалось от принудительного трудоустройства некоторых отраслей экономики, но смягчило его формы и существенно сократило масштабы. Пережив болезненную реконструкцию во второй половине 1950-х гг., производственная сфера ИТУ постепенно «встала на ноги» и в 1960—1980-е гг. интегрировалось в плановую экономику краёв и областей. В основном такая интеграция носила точечный характер в виде развития отдельных производств при исправительно-трудовых колониях, а также передачи осуждённых в гражданские сектора по контрагентским договорам. Особенность рассмотренного периода заключалась и в том, что наряду с трудовым использованием заключённых стала широко применяться форма занятости в более мягком режиме исполнения наказания — в рамках условно-досрочного освобождения и условного наказания («химия»). Тем не менее материалы Дальнего Востока показывают, что в 1960—1980-е гг. значение пенитенциарного труда для местной экономики было невелико. Так, в Приморском крае в среднем за год в исправительно-трудовых колониях и на «химии» находилось примерно по 10—20 тыс. чел., что по грубым подсчётам составляло около 2% от общей численности жителей края и около 4% в структуре занятого населения. Примерно такие же показатели, предположительно, были и Хабаровском крае³. На этапе позднесоветской модернизации происходила трансформация мобилизационно-принудительных методов управления трудовыми ресурсами. В частности, устойчиво снижались масштабы организованных форм трудоустройства (как свободно-го, так и пенитенциарного), сами эти формы модифицировались с учётом демографических, общественно-политических и ментальных реалий времени. И тенденции развития системы ИТУ были одним из проявлений этого процесса [25]. Однако полностью обойтись без пенитенциарных форм труда власть не могла в связи с дефицитом рабочей силы и экстенсивными методами экономического развития, хотя и видоизменёнными по сравнению с 1930—1950-ми гг., но всё-таки сохранявшимися. Сказывалась также определённая инерция управленческого мышления и трудоприменительных практик, вышедших из раннесоветской эпохи. Особенно

³ В данном случае мы исходим из данных о лимите наполняемости ИТК и ЛТП Хабаровского края на 1982 г. Подсчитано по: [21, с. 174].

ярко это проявилось при реализации многочисленных строительных проектов последних советских пятилеток, где для достижения быстрого результата требовалась высокая степень трудовой мобилизации. Именно в капитальном и жилищном строительстве участие осуждённых являлось наиболее ощутимым (в Приморье — до 20%) и именно под эту отрасль в основном был сформирован контингент «химиков» как «смягчённый» вариант принудительной рабочей силы.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. 1960—1980-е годы. Советская исправительно-трудовая система // ISFIC.INFO: юридический портал. URL: <http://isfic.info/ispol/exten89.htm> (дата обращения: 03.09.2013).
2. Власов С.А. Жилищное строительство на Дальнем Востоке (1946—1991 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2008. 204 с.
3. Долголюк А.А. Сибирские строители в 1946—1970 гг. Новосибирск: Параллель, 2013. 476 с.
4. Евтушенко И.И. Условно-досрочное освобождение осуждённых к лишению свободы и их ресоциализация. Волгоград: ВолгГТУ, 2005. 190 с.
5. Ефимиков Л.И. Славянские дали: документ. повесть. Владивосток: ИРА «Комсомолка ДВ», 2002. 320 с.
6. Зеляк В.Г. «Валютный цех страны»: история развития горнопромышленного комплекса Северо-Востока России в 1928—1991 гг. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. 466 с.
7. Зеляк В.Г. Горнопромышленный комплекс Северо-Востока России: становление и развитие (конец 1920-х — начало 1990-х гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2014. 386 с.
8. Инструкция о порядке работы по отбору, направлению на стройки, предприятия и освобождению из-под стражи лиц, попадающих под действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 1 марта 1974 г. «О единовременном условном освобождении из мест лишения свободы некоторых категорий осуждённых для работы на стройках и предприятиях народного хозяйства» // BESTPRAVO: информационно-правовой портал. URL: <http://www.bestpravo.ru/sssr/eh-dokumenty/u0b.htm> (дата обращения: 09.05.2013).
9. Исправительная колония № 31 ГУФСИН России по Приморскому краю отметила 45-летний юбилей со дня основания // ФСИН.РФ: официальный сайт Федеральной службы исполнения наказаний. URL: http://фсин.рф/news/index.php?ELEMENT_ID=34919 (дата обращения: 09.01.2016).
10. История УИС Приморского края // 25.FSIN.SU: официальный сайт ГУФСИН России по Приморскому краю. URL: <http://www.25.fsin.su/structure/Histori/> (дата обращения: 09.01.2016).
11. Коростылёва О.В., Сондалов И.В. Принудительные работы: прошлое, настоящее и будущее // Вестник Кузбасского института. Кузбасс: КИ ФСИН РФ, 2012. № 1(9). С. 70—74.
12. Минимальные стандартные правила обращения с заключёнными // «Человек и закон»: информационно-правовой сервер. URL: <http://zakon.kuban.ru/private/mspoz.htm> (дата обращения: 03.09.2013).
13. Пертли В.А. Применение уголовно-правовых мер без изоляции от общества: исторический опыт и современность М.: Изд-во Международ. юридич. ин-та, 2010. 199 с.

14. Платонова Н.М. Государственная молодёжная политика на Дальнем Востоке России в 70-х — первой половине 80-х гг. XX в. (социально-экономический аспект). Хабаровск: ДВГУПС, 2008. 167 с.
15. Положение об исправительно-трудовых колониях и тюрьмах Министерства внутренних дел РСФСР (1961 г.) // BESTPRAVO: информационно-правовой портал. URL: <http://www.bestpravo.ru/sssr/gn-dokumenty/s8w.htm> (дата обращения: 10.01.2016).
16. Сидоров Н.В. ГУЛАГ НКВД: анфас и профиль. Т. 2. Владивосток: «Восток-Контакт», 2011. 372 с.
17. Советское исправительно-трудовое право. М.: Юрид. лит., 1977. 351 с.
18. Тарасов А.Н. Условное осуждение по законодательству России. СПб.: «Юридический центр Пресс», 2004. 190 с.
19. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 1 марта 1974 г. «О единовременном условном освобождении из мест лишения свободы некоторых категорий осуждённых для работы на стройках и предприятиях народного хозяйства» // BESTPRAVO: информационно-правовой портал. URL: <http://www.bestpravo.ru/sssr/eh-dokumenty/r9o.htm> (дата обращения: 23.12.2015).
20. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 мая 1976 г. «О единовременном условном освобождении из мест лишения свободы некоторых категорий осуждённых для работы на стройках и предприятиях народного хозяйства» // BESTPRAVO: информационно-правовой портал. URL: <http://www.bestpravo.ru/sssr/eh-dokumenty/u0r.htm> (дата обращения: 23.12.2015).
21. Худяков П.П., Швец А.В. Становление и развитие организационно-правовых основ и структуры аппарата милиции Приамурья (1917—1982 гг.): уч. пособие. Благовещенск: Благовещ. филиал заоч. обучения Дальневост. юридич. ин-та МВД России, 2008. 208 с.
22. Чернолуцкая Е.Н. Колонизационные посёлки при исправительно-трудовых лагерях на Дальнем Востоке (1933—1940 гг.) // Вестник ДВО РАН. Владивосток, 2011. № 1. С. 54—63.
23. Чернолуцкая Е.Н. Принудительные работы без содержания под стражей как трудоресурсный компонент в ранне- и позднесоветской экономике (на примере Дальнего Востока) // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. Т. 1. Пермь: ФКОУ ВПО Пермский ин-т ФСИН России, 2015. С. 177—181.
24. Чернолуцкая Е.Н. Эволюция пенитенциарной системы на Дальнем Востоке СССР в 1920—1930-е гг. // Политические и социальные аспекты истории сталинизма: новые факты и интерпретации. М.: РОССПЭН, 2015. С. 19—33.
25. Чернолуцкая Е.Н. Эволюция форм трудоустройства Дальнего Востока СССР: принуждение, мобилизация, рынок труда // Советский Дальний Восток в сталинскую и постсталинскую эпохи: сб. науч. тр. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. С. 36—45.

REFERENCES

1. *1960—1980-e gody. Sovetskaja ispravitel'no-trudovaya sistema* [The 1960s—1980s. Soviet forced-labor system]. Available at: <http://isfic.info/ispol/exten89.htm> (accessed 03.09.2013). (In Russ.)
2. Vlasov S.A. *Zhilishchnoye stroitel'stvo na Dal'nem Vostoke (1946—1991)* [House building in the Far East (1946—1991)]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2008. 204 p. (In Russ.)

3. Dolgolyuk A.A. *Sibirskiye strouteli v 1946—1970 gg.* [Siberian builders in 1946—1970]. Novosibirsk, Parallel' Publ., 2013. 476 p. (In Russ.)
4. Evtushenko I.I. *Uslovno-dosrochnoye osvobozhdeniye osuzhdennykh k lisheniyu svobody i ih resotsializatsiya* [Conditional discharge of convicted people and their resocialization]. Volgograd, VolGTU Publ., 2005. 190 p. (In Russ.)
5. Efimikov L.I. *Slavyanskiye dali: document. povest'* [Slavic distance: documentary]. Vladivostok, IRA "Komsomolka DV" Publ., 2002. 320 p. (In Russ.)
6. Zelyak V.G. *"Valutnyi tseh strany": istoriya razvitiya gornopromyshlennogo kompleksa Severo-Vostoka Rossii v 1928—1991 gg.* ["Foreign exchange shop": history of development of the mining complex of the North East of Russia in 1928—1991]. Tomsk, Tom. un-t Publ., 2015. 466 p. (In Russ.)
7. Zelyak V.G. *Gornopromyshlennyy kompleks Severo-Vostoka Rossii: stanovleniye i razvitiye (konets 1920-h — nachalo 1990-h gg.)*. Dis. d-ra ist. nauk [Mining complex of the North East of Russia: establishment and development (the end of the 1920s — the beginning of the 1990s). Dr. hist. sci. diss.]. Tomsk, 2014. 386 p. (In Russ.)
8. *Instruktsiya o poryadke raboty po otboru, napravleniu na stroyki, predpriyatiya i osvobozhdeniyu iz-pod strazhi lits, podpadayushchih pod deystviye Ukaza Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR ot 1 marta 1974 g. "O edinovremennom uslovnom osvobozhdenii iz mest lisheniya svobody nekotorykh kategoriy osuzhdennykh dlya raboty na stroykah i predpriyatiyah narodnogo hozyastva"* [Instructions about work order in selection, building assignment, steps to release from custody those people who got under the Decree of the Supreme Soviet of the USSR of March 1, 1974, "United conditional discharge from places of confinement of some categories of convicted people for work on construction sites and socially-owned enterprises of March 4, 1974]. Available at: <http://www.bestpravo.ru/sssр/eh-dokumenty/u0b.htm> (accessed 09.05.2013). (In Russ.)
9. *Ispravitel'naya koloniya № 31 GUF SIN Rossii po Primorskому krayu otmetila 45-letniy ubiley so dnya osnovaniya* [Penal colony № 31 GUF SIN Russia of the Primorsky Region celebrated 45th anniversary of the founding]. Available at: http://фсин.рф/news/index.php?ELEMENT_ID=34919 (accessed 09.01.2016). (In Russ.)
10. *Istoriya UIS Primorskogo kraya* [The history of UIS of the Primorsky Region]. Available at: <http://www.25.fsin.su/structure/Histori/> (accessed 09.01.2016). (In Russ.)
11. Korostyleva O.V., Sondalov I.V. Prinuditel'nyie raboty: proshloye, nastoyashcheye i budushcheye [Coercive labour: past, present, future]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. Kuzbass, KI FSIN RF Publ., 2012, no. 1 (9), pp. 70—74. (In Russ.)
12. *Minimal'nyie standartnyie pravila obrashcheniya s zakluchennymi* [Minimal standard rules of treatment of prisoners]. Available at: <http://zakon.kuban.ru/private/mspoz.htm> (accessed 03.09.2013). (In Russ.)
13. Pertli V.A. *Primeneniye ugolovno-pravovykh mer bez izolyatsii ot obshchestva: istoricheskiy opyt i sovremennost'* [Use of penal legal measures without isolation from society: historical experience and today]. Moscow, Mezhdunar. uridich. in-t Publ., 2010. 199 p. (In Russ.)
14. Platonova N.M. *Gosudarstvennaya molod'ezhnaya politika na Dal'nem Vostoke Rossii v 70-h — pervoy polovine 80-h gg. XX veka (sotsial'no-ekonomicheskiy aspekt)* [National youth policy in the Far East of Russia in the 1970s — the first half of the 1980s of the twentieth century (social and economic aspect)]. Habarovsk, DVGUPS Publ., 2008. 167 p. (In Russ.)
15. *Polozheniye ob ispravitel'no-trudovykh koloniyah i tyurmah Ministerstva vnutrennih del RSFSR (1961 g.)* [Regulations on corrective-labour colonies and prisons by the Ministry of Internal Affairs of the RSFSR (1961)]. Available at: <http://www.bestpravo.ru/sssр/gn-dokumenty/s8w.htm> (accessed 10.01.2016). (In Russ.)

16. Sidorov N.V. *GULAG NKVD: anfas i profil'* [GULAG NKVD: full face and profile]. Vol. 2. Vladivostok, "Vostok-Kontrakt" Publ., 2011. 372 p. (In Russ.)
17. *Sovetskoye ispravitel'no-trudovoye pravo* [Soviet correctional labour law]. Moscow, Uridich. lit. Publ., 1977. 351 p. (In Russ.)
18. Tarasov A.N. *Uslovnnoye osuzhdeniye po zakonodatel'stvu Rossii* [Suspended sentence under the law of Russia]. Saint Petersburg, "Uridicheskiy tsentr Press", Publ., 2004. 190 p. (In Russ.)
19. *Ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR ot 1 marta 1974 g. "O edinovremennom uslovnom osvobozhdenii iz mest lisheniya svobody nekotorykh kategoriy osuzhdennykh dlya raboty na stroykah i predpriyatiyah narodnogo hozyastva"* [Decree of the Supreme Soviet of the USSR of March 1, 1974, "United conditional discharge from places of confinement of some categories of convicted people for work on construction sites and socially-owned enterprises"]. Available at: <http://www.bestpravo.ru/sss/eh-dokumenty/r9o.htm> (accessed 23.12.2015). (In Russ.)
20. *Ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR ot 13 maja 1976 g. "O edinovremennom uslovnom osvobozhdenii iz mest lisheniya svobody nekotorykh kategoriy osuzhdennykh dlya raboty na stroykah i predpriyatiyah narodnogo hozyastva"* [Decree of the Supreme Soviet of the USSR of May 13, 1976, "United conditional discharge from places of confinement of some categories of convicted people for work on construction sites and socially-owned enterprises"]. Available at: <http://www.bestpravo.ru/sss/eh-dokumenty/r9o.htm> (accessed 23.12.2015). (In Russ.)
21. Hudyakov P.P., Shvets A.V. *Stanovleniye i razvitiye organizatsionno-pravovykh osnov i struktury apparata militsii Priamurya (1917—1982 gg.): uch. posobiye* [Establishment and development of organizational and legal principles and structure of police system of the Amur River region (1917—1982): textbook]. Blagoveshchensk, Blagoveshch. filial zaoch. obucheniya Dal'nevost. uridich. in-ta MVD Rossii Publ., 2008. 208 p. (In Russ.)
22. Chernolutsкая E.N. *Kolonizatsionnyie poselki pri ispravitel'no-trudovykh lageryakh na Dal'nem Vostoke (1933—1940 gg.)* [Colonization communities at forced-labour camps in the Far East (1933—1940)]. *Vestnik DVO RAN*, Vladivostok, 2011, no 1. pp. 54—63. (In Russ.)
23. Chernolutsкая E.N. *Prinuditel'nyie raboty bez soderzhaniya pod strazhey kak trudo-resursnyi komponent v ranne- i pozdnesovetskoy ekonomike (na primere Dal'nego Vostoka)* [Compulsory labour without detention in custody as a labour component in the early Soviet and late Soviet economy (example of the Far East)]. *Sb. materialov mezhdunar. nauch.-prakt. konf. "Penitentsiarnaya sistema i obshchestvo: opyt vzaimodeystviya"* [Penitentiary system and society: experience of interaction: conference proceedings of international conference], vol. 1, Perm', FKOU VPO Permskiy in-t FSIN Rossii Publ., pp. 177—181. (In Russ.)
24. Chernolutsкая E.N. *Evolutsiya penitentsarnoy sistemy na Dal'nem Vostoke SSSR v 1920—1930-e gg.* [Evolution of penitentiary system in the Far East of the USSR in the 1920s — 1930s]. *Politicheskije i sotsial'nyje aspekty istorii stalinizma: Novyye fakty i interpretatsii* [Political and social aspects of Stalinism: new facts and interpretations]. Moscow, POSSPEN Publ., 2015. pp. 19—33. (In Russ.)
25. Chernolutsкая E.N. *Evolutsiya form trudoobespecheniya Dal'nego Vostoka SSSR: prinuzhdeniye, mobilizatsiya, rynek truda* [Evolution of forms of job placement of the Far East of the USSR: coercion, mobilization, labour market]. *Sb. nauch. tr. "Sovetskij Dal'niy Vostok v stalinskuyu i poststalinskuyu epohi"* [Soviet Far East in the Stalin era and post-Stalinist era: collection of scientific papers]. Vladivostok, IIAE DVO RAN Publ., 2014, pp. 36—45. (In Russ.)